

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

РОЖКОВ Александр Юрьевич

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой социологии
Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия

Alexander Yu. ROZHKOV

Dr. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Head, Sociology Department,
Kuban State University
Krasnodar, Russia
avro14@mail.ru

УДК 94(47+57)<1920>-053.81
ГРНТИ 03.29
ВАК 07.00.02

Феномен суда и кассации в Советской России на закате нэпа: микроисторический анализ случая¹

Советская судебная система 1920-х гг. является одним из наиболее противоречивых вопросов социальной и политической истории раннего советского общества. Представляется, что механизм функционирования системы советского правосудия более эффективно может быть рассмотрен в методологических рамках микроистории. В качестве примера микроанализа нами взят один криминальный казус, описанный достаточно подробно. В статье «крупным планом» описана и интерпретирована судебная и кассационная практика по данному уголовному делу, что позволило выявить профессиональный уровень региональной и центральной судебных инстанций в Советской России конца 1920-х гг. Проведенное микроисторическое исследование выявило ряд признаков оформления правовой системы в советской провинции на

The Court and Cassation Phenomenon in a Soviet Russia in the Twilight of NEP: Microhistorical Analysis of the Case

The Soviet judicial system of the 1920s is one of the most controversial issues in the social and political history of early Soviet society. It seems that the mechanism of functioning of the Soviet justice system considered more effectively in the methodological framework of microhistory. As an example of microanalysis, we have taken one criminal incident, described in details. The article describes and interprets the judicial and cassation practice in this “close-up” criminal case, which revealed the professional level of regional and central courts in Soviet Russia in the late 1920s. Conducted micro-historical research has determined a number of features of the legal system in the Soviet province at the end of the NEP, which had the fragile and extremely dependent from the power character. Particular case showed a high authority of the Cassation Board from the RSFSR and the legal profession. In general, this in-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 06-01-00430а, а также ACLS Short-term Grants in the Humanities 2005-06.

закате нэпа, носившей зыбкий и чрезвычайно зависимый от власти характер. Конкретный случай показал довольно высокий авторитет Кассационной коллегии ВС РСФСР и адвокатуры. В целом данный казус создает несколько иное представление о советской правовой системе, противоречащее устоявшемуся мнению о тотальном бесправии осужденных в раннем советском обществе. Вместе с тем без серийных исследований сложно заключить, был ли вышеописанный казус «нормальным исключением» в то время.

Ключевые слова: 1920-е, советский суд, кассация, адвокатура, микроистория, показательный процесс, дело Синдаровского, Краснодар, Кубань.

Введение

Советская судебная система 1920-х гг. сегодня представляет собой один из наиболее противоречивых и недостаточно изученных вопросов социальной и политической истории раннесоветского общества. Несмотря на наличие немалого количества специальных работ по теме (М. В. Кожевников, Т. Н. Добровольская, Е. Н. Городецкий, Д. С. Карев, В. М. Курицын, В. П. Портнов, М. М. Славин, Н. Г. Смирнов, В. А. Буков, В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусов, А. Н. Смыкалин, В. Н. Смирнов, П. Соломон, Р. Р. Усманов, А. П. Угроватов, Х. Юджин и др.), включая диссертационные исследования (А. П. Абрамовский, К. А. Алакпаров, И. Л. Лезов, Л. Г. Осадчая, Ж. А. Рожнева, О. И. Филонова, И. Я. Шахназаров, И. К. Шабанова и др.), мы не знаем ответа на фундаментальный вопрос: эта система изначально была репрессивной (как продолжение ревтрибуналов и предтеча Большого террора) либо, напротив, в 1920-е гг. в Советской России была предпринята попытка реального формирования основ правового государства, пришедшего на смену «военному коммунизму» с пресловутыми ревтрибуналами.

Поиск ответа на этот вопрос методами «традиционной» историографии, на наш взгляд, бесперспективен в плане понимания механизмов функционирования системы советского правосудия в годы нэпа. Схематичное рассмотрение изучаемой проблемы, основанное на официальных нормативных документах, данных советской криминальной статистики (требующей предельно вни-

cident creates a slightly different idea of the Soviet legal system, contrary to the established view of the total disempowerment of convicts in the early Soviet society. However, it is difficult to conclude whether the above incident was a “normal exception” at the time without serial researches.

Keywords: 1920s, Soviet court, cassation, legal profession, microhistory, show trial, Sindarovsky's case, Krasnodar, Kuban.

мательного и критического подхода) дает нам лишь контурное представление о системе, причем не обязательно истинное. Представляется, что механизм функционирования системы советского правосудия более эффективно может быть рассмотрен в методологических рамках микроистории. В небольших локальных казусах подчас можно обнаружить те социальные механизмы и повседневные смыслы, которые ускользают от нас при прочтении официальных документов. В качестве примера микроанализа нами взят один криминальный казус, ранее описанный достаточно подробно [20; 21; 22].

Задача статьи — описать «крупным планом» и интерпретировать судебную и кассационную практику по данному уголовному делу, что позволит выявить профессиональный уровень региональной и центральной судебных инстанций в Советской России конца 1920-х гг., а также степень их реального влияния на обеспечение прав обвиняемых.

Фабула казуса

Изучаемый случай берет начало с разыгравшейся на берегу р. Кубань драмы, официальная версия которой вызывает много вопросов. По этой версии, вечером 25 января 1928 г. якобы после неудавшейся попытки изнасилования во время пикника была убита и сброшена в реку Кубань 16-летняя школьница З. Крылова. Обвиняемыми являлись 21-летний студент Кубанского сельскохозяйственного института Г. Синдаровский, 18-летний учащийся школы № 6 П. Мамрак и 17-лет-

ний И. Гавриленко, бывший ученик той же школы [8]. Месяц спустя тело жертвы было обнаружено в 35–40 км от места происшествия вверх по течению реки.

Доподлинно неизвестно, что произошло в тот вечер на берегу Кубани — несчастный случай или преступление. Однако стигматизация обвиняемых как «краснодарских чубаровцев» (так в 20-е гг. называли участников группового изнасилования) началась в краснодарской (затем ростовской и центральной) прессе еще до начала судебного следствия, что указывает на предвзятый, заказной характер расследования. Вначале уголовное дело было квалифицировано как убийство при попытке изнасилования (максимальный срок наказания — 10 лет лишения свободы), но затем без веских оснований следствие переквалифицировало обвинение по «расстрельной» статье 59–3 УК РСФСР (бандитизм).

Мы вернемся к рассмотрению случая после необходимых процедурных пояснений.

Методология и источники

В качестве основного методологического подхода взята исследовательская стратегия микроисторического анализа, направленная на интенсивный анализ конкретного случая. Применяя известную метафору «микроскопа», Дж. Леви выдвинул утверждение о том, что «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [12, с. 193]. С ним солидарен и К. Гинзбург, заметивший, что «приближенный взгляд помогает нам уловить конкретику, которая ускользает от панорамного обзора, и наоборот» [5, с. 303]. Обычно в исследовательской практике в микроистории выбирается «крупный план», позволяющий сузить поле наблюдения и изучить его с помощью «микроскопа» как «автономную целостность». Вместе с тем, специфика микроистории заключается не только в масштабе ее объектов, а в том, под каким углом зрения эти объекты рассматриваются — традиционно от настоящего к прошлому, или же проспективно, т. е. от прошлого к настоящему, как это принято в микроистории. Во втором подходе исчезнувшая реальность рассматривается как бы с открытым, не предопределенным будущим, с множеством вариантов развития.

Интенсивная методика микроанализа предполагает полидисциплинарность, внимательное чтение источников и их интерпретацию, особую чувствительность историка к языку, символам и ритуалам изучаемой эпохи, сохраняет установку на выявление ее «инаковости», качественного своеобразия. Такой подход нередко позволяет выявить «нормальные исключения» (Э. Гренди), недоступные традиционным методам познания прошлого.

Одним из наиболее важных методологических подходов в микроистории является «уликовая парадигма» К. Гинзбурга [6]. Историк, работающему в методологии микроистории, приходится уметь рассматривать явление в подробностях, не упуская «улик» и «деталей», при ближайшем рассмотрении способных опрокинуть глобальные концепции. В нашем случае «уликовая парадигма» подтвердила свою правомерность. При изучении кейса мы столкнулись с дефицитом прямых источников. Безвозвратно утрачены ключевые судебно-следственные документы по изучаемому случаю — архивно-следственное дело № 1774 по факту гибели З. Крыловой, а также судебное дело № 267 Адыгейского областного суда. Пришлось опираться на косвенные источники, в числе которых архивно-следственное дело ОГПУ П-71049, следственно-арестантские дела двух из трех обвиняемых по этому делу, текст приговора суда. Не менее информативны протоколы партийных и комсомольских органов краснодарских вузов, документы органов власти, очерковые материалы о судебном процессе в газете «Красное знамя». Как подчеркивал К. Гинзбург, микроисторическое исследование преимущественно должно опираться на максимальную выборку «документов, связанных с одним-единственным индивидом, о котором не осталось никакой другой памяти» [5, с. 300].

При всех лакунах в целом корпус источников позволяет провести интерпретационные процедуры, релевантные для микроисторического анализа случая.

«Показательный» процесс: замысел и реальность

Преступления, подобные исследуемому случаю, относились к компетенции

губернских (областных) судов. Судебный процесс по делу «краснодарских чубаровцев» открылся 20 марта 1928 г. в Краснодаре в зале Адыгейского областного суда (ул. Пролетарская, 37) под председательством заместителя председателя областного суда АЧАО Д. Горшкова. Народными заседателями на процессе были Н. Бардин и В. Капралова. Государственное обвинение поддерживал прокурор АЧАО В. Смирнов. Общественными обвинителями выступили студент Кубанского сельхозинститута М. И. Ждан-Пушкин и молодой коммунист от Адыгеи А. А. Гвоздецкий, бывший студент Кубанского индустриального техникума. Гражданским истцом от потерпевшей стороны выступил член коллегии защитников Бернер. Защиту подсудимых представлял член коллегии защитников Н. Н. Луганский. Краевая газета «Молот» (Ростов-на-Дону) 22 марта 1928 г. зафиксировала «перед зданием суда громадные толпы студенчества» [9], чем подтверждала огромный интерес к процессу со стороны молодежи.

Из газетных сообщений известно, что судебный процесс был объявлен показательным (якобы «по многочисленным просьбам» краснодарской молодежи). На первый взгляд, это решение властей было вполне понятным с учетом общественного интереса к резонансному делу. Между тем Верховный Суд РСФСР в своем Инструктивном письме № 1 за 1925 г. рекомендовал судам быть «очень осторожными при постановке показательных процессов», ставить их «только при особом общественном или политическом значении дела» и «при сравнительно бесспорных данных о виновности привлеченных к делу лиц». Кроме того, Верховный Суд предписывал губсудам в каждом случае постановки показательного процесса информировать об этом высшую судебную инстанцию с объяснением причин, побудивших провести показательный процесс [25, с. 153–154]. Как оказалось, предостережение высшей судебной инстанции было не случайным. «Показательный» судебный процесс в Краснодаре, едва начавшись, был тотчас скомпрометирован его организаторами, которые не учли элементарного условия для организации показательного процесса — вместимости судебного зала. Потому и толпи-

лась возле здания суда масса молодежи. Газета «Красное знамя» раздраженно писала: «А вот свой, чрезвычайно важный с общественной точки зрения, показательный процесс **показательно** (так в тексте. — А.Р.) провести не умеем. Вместо просторного помещения, где бы на процессе кубанских чубаровцев могли присутствовать тысячи интересующихся этим делом студентов, Адыгейский суд устраивал заседания в небольшой душной комнате, вмещающей... 50 человек. <...> на процессе не видно учащих: их сюда не пускают, хотя они густыми группами тщетно толпятся на улице. Зал <...> заполнен шамкающими старушками, безработными «дамами», любителями пикантных подробностей, судоманами и прочими бездельниками» [2].

Вечернее заседание 20 марта суд решил перенести в зал индустриального техникума (ул. Седина, 16). Однако нераспорядительность сказалась и здесь. Тысячи студентов, желающих попасть на процесс, устроили давку, вследствие чего заседание было перенесено обратно в тесное помещение суда АЧАО. Впечатления подсудимого Г. Синдаровского от организации процесса полностью совпадают с газетным репортажем: «20-го был первый день суда <...> В комнате облсуда АЧАО был Кумурджи и некоторые студенты других вузов в количестве 5–6 человек. По окончании моего допроса суд перекочевал в КИТ. Много набилось туда народу. Это была молодежь. Вузовцы и второстепенцы составляли большинство <...> Около 2 тысяч было в зале. <...> Заседание было перенесено на 10 часов утра 21-го и нас перевели в Облсуд АЧАО, где судили до часу ночи» [1, л. 53].

Итак, вместо показательного процесса областной суд устроил «показательную» давку. Возникает закономерный вопрос: а как могла пройти в зал суда неорганизованная публика, в то время как многие студенты и школьники попасть на судебное заседание не сумели? Частично ответ на этот вопрос содержится в признаниях Синдаровского: «Конвой плелся где-то сзади среди толпы и меня не пропускали в зал без контрамарки... Я должен был пробиваться на скамью подсудимых» [1, л. 53]. Из этой оговорки Синдаровского мы узнаем важную деталь: в зал не пускали без

контрамарки. Теперь становится понятно, что именно пожилые завсегдатаи судебных заседаний смогли достать входные билеты, в отличие от неискушенных учащихся. Но ведь такая беспечность судебной бригады и конвоя могла привести к побегу подсудимых в момент их неконтролируемого перемещения в зал заседаний. Что же воспрепятствовало этому? Как позже признает Синдаровский, с первых часов судебного процесса предвидевший «вынесение предполагаемого приговора» (расстрела), он мог бы свободно бежать из здания суда: «Мне было просто стыдно бежать. Меня на суде не нужно было удерживать стражей. Будь средние века, я бы пришел на него сам. Но мы в 20-м веке. Слову верить перестали...» [1, л. 71]. Выходит, что выходцу из дворянского рода Синдаровскому помешали бежать из-под стражи только его этические соображения, но никак не поведение тюремного конвоя. Похоже, что подсудимый не лукавил. Между тем представляется более важным обратить внимание на слова Синдаровского о том, что исход дела был предрешен в первые часы судебного заседания. Выходит, судебное разбирательство с самого начала было превращено в фарс, что не было секретом и для подсудимых. Рамки статьи не позволяют детально остановиться на эпизодах судебного процесса, описанных в газетных репортажах. Попытаемся тезисно реконструировать лишь порядок событий в зале суда.

Первым был допрошен Гавриленко, затем Мамрак, третьим — Синдаровский. Судя по этой странной очередности, главным обвиняемым суд считал Синдаровского, хотя основным подозреваемым в убийстве был Мамрак. В первый день заседаний суд узнал о существовании трех противоречивых версий преступления, которые подсудимые якобы выдвинули на предварительном следствии. Первая версия в общих чертах выглядела как неосторожная попытка подбежавшего к Крыловой Мамрака столкнуть её с берега в реку. Вероятно, это была самая первая версия, изложенная фигурантами сразу после ареста. Вторая версия похожа на сценарий, сконструированный на допросах сотрудником кубанского угрозыска Л. Ф. Чернышовым (Синдаровский неоднократно указывал на избиения

со стороны этого милиционера в первые три дня после ареста). Это была версия о преднамеренной попытке группового изнасилования Крыловой по предварительному сговору тремя обвиняемыми фигурантами. По этой версии Зина оказала сопротивление и потому была убита. Однако на судебном заседании все подсудимые придерживались только третьей версии (очевидно, у них была возможность обсудить её, находясь в общей камере). Это была версия о роковой любви и ревности. За Зиной якобы настойчиво ухаживал Мамрак, но девушка отдавала явное предпочтение Синдаровскому. Мамрак из ревности подговорил Гавриленко проучить Синдаровского. Для этого Гавриленко, хорошо знавший Зину, должен был пригласить ее погулять в обществе Синдаровского, что и было реализовано 25 января. У Синдаровского с собой было спиртное. Ревнивец Мамрак шел за ними следом. На берегу, уловив момент, когда Синдаровский отошел за насыпь оправиться, Мамрак стал выговаривать Зине обвинения «в измене». Девушка громко расхохоталась и ответила с издевкой: «Есть люди посolidнее тебя. Ты мальчишка. Ищи себе другую барышню». Оскорбленный Мамрак достал из кармана голыш и ударил им Крылову по голове. Зина упала без сознания. Тогда Гавриленко и Мамрак взяли ее за руки и сбросили в реку. Подбежавший Синдаровский не сумел помочь несчастной девушке. Крича о помощи, она барахталась в воде. Испуганный Мамрак убежал вверх по течению реки, а Синдаровский и Гавриленко пытались помочь тонувшей Крыловой. Они беспомощно бегали по крутому обрыву, так и не сумев ничего предпринять для ее спасения. Девушка утонула [10].

Впрочем, все эти три версии (как и каждая из них) вполне могут быть недостоверными. Не только потому, что их предварительно тщательно отрепетировали фигуранты или им эти версии навязали дознаватели, но и потому что данная информация взята из газетной публикации о судебном процессе. Соответственно там могли быть не только фантазии подследственных, но и подтасовки партийной прессы. Поэтому мы не будем детально разбирать обстоятельства происшествия. Наша задача — изучить и понять логику действий

суда, его роль в выяснении истины. Однако обратим внимание на показания Синдаровского: «Я заметил, что Мамрак поднял руку с голышом и ударил им по голове Крылову. Затем они совместно с Гавриленко сбросили Зину в Кубань. Я не успел оказать ей помощь. Подбежав к обрыву, я видел, как она барахталась в воде, призывая меня: “Юра, спасите! Юра, спасите!” Мамрак убежал. Я схватил плащ и велел Гавриленко спуститься по нему вниз, чтобы помочь девушке. Но она утонула раньше, чем мы могли достать ее из воды» [24]. Напомним эти показания подсудимого о словах жертвы.

После допросов обвиняемых суд приступил к допросу свидетелей. Основными свидетелями обвинения были жители хутора Городская дамба, расположенного на противоположном берегу напротив места происшествия, а также, пасший скот вблизи от места происшествия житель аула Козет и охранники железнодорожного моста, задержавшие Синдаровского и Гавриленко. Со стороны обвиняемых были заслушаны всего два свидетеля — учащиеся 6-й школы А. Ильин и В. Савченко, знавшие Мамрака и Гавриленко. В газетном репортаже сообщалось, что свидетельские показания установили «несколько иное положение вещей». Это было поворотным моментом: со слов «очевидцев» с противоположного берега, потерпевшая Крылова будто бы кричала не только «Юра, спасите!», но и «*Меня душат!*», причем крики ее свидетели слышали не 3–4 минуты, как показывали подсудимые, а 10–15 минут. Из этих данных суд пришел к выводу, что между Крыловой и преступниками была борьба еще на берегу, т. к. невозможно было «душить» жертву в воде.

Заслушав всего 8 свидетелей из 26, суд завершил судебное следствие. На вечернем заседании 21 марта суд перешел к прениям сторон. В газетном отчете об этом написано всего несколько строк, поэтому невозможно установить аргументацию обвинения и защиты. О речи адвоката Н. Н. Луганского газета не написала ни строчки (что полностью вписывается в сценарий суда с презумпцией виновности подсудимых). Прокурор Адыгейской области В. Смирнов в своей обвинительной речи исходил из того, что подсудимые по взаимному

сговору условились изнасиловать Крылову. С этой целью они пригласили ее на прогулку, взяли вина и «вооружение» (голыш). Попытка изнасилования не удалась, и Крылову сбросили в Кубань, предварительно ударив камнем по голове. Прокурор потребовал высшей меры наказания для Мамрака и Синдаровского. Мера наказания для Гавриленко прокурор предоставил на усмотрение суда ввиду его несовершеннолетия, напомнив, что она должна быть снижена по малолетству на 1/3 в случае лишения свободы. Общественный обвинитель Андрей Гвоздецкий якобы «от имени 5 тысяч студентов» краснодарских вузов потребовал высшей меры наказания для всех подсудимых. Другой общественный обвинитель, Михаил Ждан-Пушкин, потребовал того же [13]. Перед вынесением приговора суд совещался пять часов. Вероятно, это обстоятельство указывает на отсутствие единогласия в суде, хотя знание судебной практики в довоенном СССР заставляет усомниться в этом. Как правило, командированные профсоюзами беспартийные народные заседатели не имели юридического образования и играли формальную роль в судебном процессе. Не исключено, что столь длительное время шло оформление приговора. Как и следовало ожидать, приговор суда оказался весьма суровым. Синдаровский и Мамрак были приговорены к расстрелу, а неожиданно оказавшийся несовершеннолетним Гавриленко получил 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией и поражение в правах сроком на 5 лет [16, л. 14–15].

Стоит обратить внимание на структуру приговора. Вначале дана характеристика и социальное происхождение каждого фигуранта, только затем изложены факты по делу. Вместе с тем этот приговор не противоречил обычной практике приговоров тех лет, когда резолютивная часть предваряла описательную, а в описательной весьма сжато указывались обстоятельства дела с непоследовательным изложением фактов, установленных на предварительном следствии [14, с. 90]. Показателен последний абзац расстрельного приговора: «Суд считает, что социально-опасное деяние подсудимых по своей гнусности и жестокости в условиях переживаемого момента является особо опасным общественным явлением; что

сговор на почве низменных побуждений для совершения преступления, особая жестокость способа совершения преступления, являются отягчающими обстоятельствами по делу» [16, л. 14–15].

Трудно однозначно утверждать, что преступления 25 января на берегу Кубани не было. Но ясно одно: следуя априорно заданному курсу на вынесение сурового приговора, суд не посчитал нужным прислушаться к доводам в пользу подсудимых, как того требовал УПК РСФСР.

Механизм кассации

Пока в вузах и школах Краснодара проходили митинги протеста молодежи против несправедливого приговора, адвокат Н. Н. Луганский готовил текст кассационной жалобы в Верховный Суд РСФСР. Осужденным юношам повезло, что к тому времени УПК РСФСР отверг апелляционный порядок пересмотра уголовных дел и оставил в силе только правила о кассационном порядке отмены приговоров. Советская Россия в этом отношении стояла в одном ряду со многими европейскими государствами (за исключением Англии), последовавшими за достижениями Великой Французской революции в сфере уголовного права. Дело в том, что апелляционный суд при пересмотре приговоров действовал теми же методами рассмотрения и оценки доказательств, что и суд первой инстанции, вынесший приговор. Его задачей являлась только проверка правильности тех выводов, к которым пришел первый суд. По образному выражению А. С. Тагера, апелляционный суд, как и суд первой инстанции, вершил «суд над *подсудимым*». Кассационный же суд не ставил своей задачей проверку правильности приговора, вынесенного первым судом. Он проверял, насколько суд первой инстанции при рассмотрении уголовного дела выполнил все предписанные правила. Иными словами, кассационный суд творил «суд над *судом*», в том смысле, что его внимание было непосредственно направлено на действия суда первой степени.

Нам неизвестно, как провели 72 часа, отведенные для подачи кассационной жалобы, трое фигурантов по делу «краснодарских чубаровцев». Во второй половине дня 26 марта

в канцелярию областного суда АЧАО из Кубанского окружного исправительно-трудового дома (тюрьмы) поступил пакет с сургучной печатью с пометкой «срочно». В пакете находилась кассационная жалоба заключенных Синдаровского Георгия, Мамрака Пимена и Гавриленко Ивана на имя Верховного Суда РСФСР, принятая в КОИТД 26 марта 1928 г. в 14 ч. 30 мин. [16, л. 16]. Четыре дня спустя, 30 марта, в облсуд Адыгеи были направлены дополнения к кассационным жалобам за подписями троих осужденных [16, л. 17об.–18]. Здесь стоит заметить, что УПК РСФСР, в отличие от норм дореволюционного российского законодательства, предоставил осужденным право подавать дополнительные кассационные жалобы и после истечения кассационного срока, вплоть до рассмотрения дела в кассационном заседании. Не менее важной нормой, усиливавшей юридическую защищенность осужденных, являлось право кассационного суда устранять и те обнаруженные нарушения, которые не были указаны в кассационной жалобе [23, с. 6]. Это несколько меняет наше представление о советской правовой системе конца 1920-х гг. как тотальном бесправии осужденных в раннесоветском обществе. Впрочем, это был уголовный, а не политический процесс.

Коллегия Верховного Суда

19 апреля 1928 г. Кассационная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (УКК), во главе которого стоял видный большевик П. И. Стучка, рассмотрела кассационные жалобы троих осужденных из Краснодара. Заседание УКК проходило под председательством А. В. Галкина, возглавлявшего в то время Кассационную Коллегию Верховного Суда, а также членов УКК Голубева и М. К. Муранова. На заседании присутствовал помощник прокурора Верховного Суда при УКК Владимирский. Защиту осужденных подерживал П. Н. Малянтович [16, л. 23]. К сожалению, обнаружить какие-либо документы по данному делу в фонде Р-1005 ГАРФ (Верховный Суд РСФСР) или во внутреннем архиве ВС РФ не удалось. Вместе с тем по косвенным источникам мы можем реконструировать некоторые обстоятельства заседания и предста-

вить хотя бы общую картину (модель), как оно могло происходить.

Отсрочка приговора по делу «краснодарских чубаровцев» для рассмотрения кассационной жалобы составляла максимально возможный 30-суточный срок. Стоит заметить, что УПК РСФСР требовал от УКК Верховного Суда оперативного реагирования в отношении дел, по которым вынесены расстрельные приговоры. Подобные дела подлежали направлению к слушанию с таким расчетом, чтобы с момента поступления дела и до вынесения по нему определения УКК не прошло более одной недели (за эту норму лично отвечал прокурор УКК). Учитывая масштабы страны и средства связи того времени, стоит положительно отметить гуманность этой процессуальной нормы.

Рассмотрение дела в УКК проходило в открытом судебном заседании. Стороны процесса в суде АЧАО (обвинение и защита) формально имели право присутствовать на заседании, но вызов их не был обязательным. Нормативно даже допускалось присутствие на процессе подсудимых, которые имели право дать свои объяснения по делу [23, с. 98]. Фигуранты по «краснодарскому делу» на заседании УКК не присутствовали, но необязательное по процедуре участие в процессе известного защитника П. Н. Малянтовича указывает на то, что некие заинтересованные и влиятельные лица (вероятно, адвокат Н. Н. Луганский) позаботились о защите своих подопечных в Верховном Суде.

В отличие от более демократичного кассационного процесса в губернском суде, кассационное заседание Верховного Суда начиналось не с заслушивания сторон, а с прокурорского заключения по рассматриваемому делу. Прокурор в данном случае выступал не в надзорном, а в ревизионном порядке. Его заключение было намного весомее прокурорского заключения в рамках обычного судебного заседания. По сути, прокурор в Верховном Суде имел право поставить перед судом совершенно новые кассационные вопросы, не содержащиеся в жалобах и не подвергавшиеся обсуждению сторон. В этой конфигурации личные качества прокурора могли быть определяющими для судьбы подсудимых, поскольку

ку в своей последней речи защитник или сам подсудимый не могли выставлять свои новые кассационные поводы. Содержательно их выступления могли быть только ответом на прокурорское заключение [23, с. 99].

Имея возможность лишь строить предположения относительно конкретного кассационного процесса, обратимся к журналу «Судебная практика РСФСР», еженедельнику Верховного Суда РСФСР за 1928 г. В номере 9 журнала находим постановление УКК Верховного Суда, принятое на заседании 19 апреля в отношении интересующих нас лиц. Начнем с многообещающего заголовка публикации: «Неправильность применения ст. 59 п. 3 УК, даже по аналогии вместо ст.ст. 136 и 153 ч. 2 УК, что повлекло за собой неправильное применение расстрела» [7, с. 11]. В описательной части постановления УКК излагались основные обстоятельства дела. Особого внимания заслуживает одна деталь. В изложении УКК тонувшая девушка якобы кричала только: «Спасите меня, я не могу». О криках жертвы «Юра, спасите, душиат», на которых было построено обвинение и расстрельный приговор Адыгейского облсуда, там ничего не сообщалось. Из этого можно предположить, что высшая судебная инстанция либо не сочла их достоверными, либо не обнаружила в них веского довода в пользу обвинения. Важно то, что УКК приняла версию подсудимых. Не менее важная информация содержалась в ссылке УКК на кассационные жалобы осужденных. Оказывается, Синдаровский, Мамрак и Гавриленко в своих жалобах указывали на *недоследованность* дела и, главным образом, на *неправильное* применение к ним статьи 59 ч. 3 УК РСФСР (бандитизм). Становится очевидным, что защитник Н. Н. Луганский при составлении текстов жалоб своих подопечных основной мотив кассации видел в серьезных недоработках областного суда АЧАО, который провел судебное расследование поверхностно и вынес приговор, не соответствовавший обстоятельствам дела.

Верховный Суд РСФСР отменил расстрельный приговор и назначил юным преступникам более мягкое наказание: «Принимая во внимание, что для квалификации хулиганских преступлений по ст. 59 п. 3 УК, как

бандитизма, необходимо, чтобы они были совершены более или менее устойчивой шайкой разложившихся элементов общества, занимающейся хулиганством и представляющей поэтому чрезвычайную опасность, чего в данном случае нет, в преступлениях настоящего дела нельзя усмотреть признаков ст. 59 п. 3 УК, а потому, переqualificировать их по ст.ст. 136 и 19–153 ч. 2 УК, т. е. как убийство при покушении на изнасилование женщины и назначить по совокупности меру социальной защиты: Синдаровскому и Мамраку — по 10 лет, а Гавриленко — 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией и с поражением прав на 5 лет каждому» [7, с. 11].

Синдаровскому и Мамраку несомненно повезло, что Кассационная Коллегия, отменив приговор, сама вынесла окончательный вердикт, а не отправила дело для нового рассмотрения в другой губернский суд (которым вполне мог стать Кубанский окружной суд), или не вернула его обратно в Адыгейский облсуд с другим составом судей. Теоретически существовала еще одна процессуальная опасность, которая могла подстергать троих фигурантов. Согласно статье 438 УПК, определение Кассационной Коллегии имели право опротестовать председатель ВС РСФСР и прокурор Республики. Даже один из членов УКК, имевший частное мнение, мог серьезным образом осложнить судьбу троих юношей [23, с. 100–101]. К счастью для них, этого не произошло. Конечно, 10 лет строгой изоляции в условиях советских лагерей были не самой лучшей альтернативой, но все же сохраняли жизнь. Стоит заметить, что это была самая строгая мера наказания в то время, не считая смертной казни. Между тем Мамрак, как главный фигурант в деле об убийстве Крыловой, был беспредельно счастлив. Подобные чувства испытывал и Синдаровский: «Против ожиданий высшая мера была отменена и мне» [1, л. 54].

Для полноты картины надо учитывать, что в январе 1928 г. ВС РСФСР утратил свой статус высшей судебной инстанции, войдя в прямое подчинение наркомюсту. В связи с окончанием районирования и упразднением губернских судов с 1928–1929 гг. изменилась и роль кассационных коллегий ВС РСФСР. Теперь в кассационном порядке рассматрива-

лись лишь дела главных судов автономных республик и небольшое количество дел, разрешенных краевыми судами в качестве судов первой инстанции. По этим причинам приговоры нижестоящих судов в конце 1920-х гг. отменялись редко. Возвращалось утвердившееся в первые годы Советской власти и во время Гражданской войны процессуальное упрощение в судопроизводстве [4].

Адвокатское влияние

Решение УКК ВС РСФСР позволяет предположить, что адвокат Н. Н. Луганский при составлении жалоб своих подопечных основной мотив кассации видел в недоработках областного суда Адыгеи, который вынес приговор, не соответствующий обстоятельствам дела. Если так и было, то тактика защиты подсудимых была правильной и эффективной. Впрочем, не имея документального подтверждения, мы не можем однозначно утверждать о том, что победу одержала именно адвокатская компетентность, а не подспудные механизмы вроде «дружеских» записок от правительственных чиновников, на имя которых могла быть направлена петиция протестующей краснодарской молодежи (например, А. В. Луначарского), адресованных руководителям НКВД, ОГПУ или наркомюста. С другой стороны, нет никаких оснований утверждать, что на решение суда высшей инстанции повлиял массовый студенческий протест (в тех условиях протест мог скорее усугубить положение подсудимых, нежели помочь им). Вероятно, это все же была сугубо юридическая коллизия. Или нет?

Здесь резонно переключиться на вопрос о роли и месте адвокатуры в судебной системе 1920-х гг. — наименее изученных аспектов судебно-правовой системы в довоенном СССР. За сравнительно недолгий период существования института русской адвокатуры (корпорации присяжных поверенных), созданного судебной реформой 1864 г., в дореволюционном судопроизводстве были достигнуты заметные результаты. Роль адвоката в уголовном судебном процессе стала одной из ключевых, а его социальный статус — одним из наиболее престижных в обществе, в том числе и на Кубани [11]. После октября 1917 г. с введением рево-

люционных трибуналов адвокаты стали вовсе не нужны. Адвокатура была формально реанимирована лишь в 1922 г., когда с введением нэпа потребовалось изменение советского законодательства и судебной практики, прежде всего в экономической сфере. Появился свод кодексов — уголовный, гражданский, земельный, трудовой, о браке, семье и опеке, процессуальные кодексы и т. д. Вместе с тем исчез из профессионального языка сам термин «адвокат», вместо него возник «член коллегии защитников». Любопытно, что понятие «адвокат» отсутствовало и в словаре воровского жаргона («блатной музыке»), хотя там содержались воровские обозначения суда («экзамен»), председателя суда («патриарх»), прокурора («зуботыка»), многочисленные версии названия милиционеров и сотрудников угрозыска [26, с. 348–374].

Адвокаты практически сразу стали изгоями в советской судебной системе, несмотря на пафосные положения об адвокатуре в УПК 20-х гг. В советской судебной иерархии их статус формально был принижен тем, что председатель суда обязательно являлся членом партии, а адвокат, как правило — беспартийным. По этой причине на закрытых (только для партийцев) совещаниях судебных работников защитники не имели права присутствовать, на открытых же — подвергались постоянным упрекам со стороны прокуратуры, воспринимавшей их всего лишь как «помощников суда» [18, с. 12, 29]. Как свидетельствует бывший советский адвокат тех лет Э. Э. Нагель, «роль защиты на суде или смешна и унижительна, или поистине героична», в то же время беспартийная адвокатура вызывает у партноменклатуры или глумление, или ненависть. «Нас терпят до поры о времени», — пророчески заключил адвокат [15].

Вернемся к рассмотрению дела «краснодарских чубаровцев» в УКК. Несмотря на ограниченные процессуальные возможности адвоката на заседании УКК ВС РСФСР не стоит забывать, что этим защитником на процессе был П. Н. Малянтович. Возглавлявший Московскую коллегию защитников один из основателей советской адвокатуры Павел Николаевич Малянтович задолго до участия в процессе по делу Синдаровского, Мамрака и Гав-

риленко стал живой легендой отечественной юриспруденции. Известность и авторитет ему придали как работа помощником у Ф. Н. Плевако, так и громкие политические процессы в дореволюционной России, на которых он выступал в качестве защитника. Его страстные речи звучали на процессах Первого Совета рабочих депутатов, Л. Д. Троцкого, Н. Баумана, Е. Стасовой, В. В. Воровского, Н. А. Рожкова, по делам о восстании на крейсере «Азов», вооруженном восстании в Москве и др. Он также вошел в историю как министр юстиции и генерал-прокурор во Временном правительстве последнего состава (2 сентября — 25 октября 1917 г.). Именно П. Н. Малянтович на посту генпрокурора по указанию А. Ф. Керенского подписал распоряжение об аресте Ленина, впоследствии (в январе 1940 г.) стоившее ему жизни [17].

Участие в процессе известного московского адвоката говорит о том, что шансы его подзащитных на успех априорно возрастали. Однако случайным ли было это участие? Очень похоже, что либо адвокат Н. Н. Луганский, либо родители подсудимых сумели найти канал выхода на Малянтовича (по некоторым данным, среди дальних родственников Синдаровского был какой-то питерский адвокат). В эту версию вполне укладываются наблюдения К. Борисова, посетившего Советскую Россию в 1923 г.: «Немногочисленные адвокаты, занимающиеся практикой — ныне правозащитники — из юристов превратились просто в каких-то ходатаев. Сейчас ценятся не юридические познания и даже не ораторское искусство, а связи в соответствующих учреждениях и, конечно, прежде всего в Г.П.У., знание всех ходов и выходов» [3, с. 77–78]. Примерно об этом пишет и Н. В. Палибин, в 1923–1935 гг. — член коллегии защитников на Кубани, живший тогда по подложным документам на фамилию Лопатина. В своих воспоминаниях он приводит массу фактов мздоимства в советских судах, вплоть до Верховного Суда РСФСР. Оставим этическую сторону вопроса, важно другое: Палибин описывает одну из техник обхода защитниками произвола нижестоящих судов в те годы. Некоторые адвокаты, видя бесперспективность открытой защиты во время процесса по причине

малограмотности судьи или «заказа» на суровый приговор «сверху», вообще не выступали с защитной речью. Зато они выигрывали все дела в кассационной инстанции, грамотно составив жалобу [18, с. 22]. Не исключено, что что-то подобное могло иметь место и в нашем случае.

Что же могло послужить мотивом для согласия Малянтовича участвовать в судебном заседании УКК, если отбросить совершенно неэтичные версии? Очевидно, здесь мог повлиять целый комплекс факторов. Во-первых, Малянтович легко брался за защиту обездоленных еще в дореволюционное время, причем безвозмездно. Во-вторых, его биография была связана с Кубанью: он выступал защитником в нашумевшем «Тихорецком деле» в 1903 г. о расправе царских карателей с мирным протестом рабочих, а с 1918 г. по сентябрь 1921 г. проживал в Екатеринодаре (Краснодаре). Его брат Владимир Николаевич с 1899 г. являлся действительным членом ОЛИКО [19, с. 13]. Нельзя исключать, что бежавшие на Кубань родители Синдаровского и Малянтович могли познакомиться в столице Кубани. В-третьих, мы почти ничего не знаем о личности адвоката Н. Н. Луганского и характере его взаимоотношений с П. Н. Малянтовичем, которые могли иметь ключевое значение для участия последнего в кассационном процессе. Наконец, дочь Малянтовича — Галли — была сверстницей осужденных по делу об убийстве Крыловой, в 1928 г. ей было 20 лет. Мы также не можем исключить из перечня возможных мотивов тривиальную сентиментальность и обостренное чувство справедливости 59-летнего адвоката.

Как бы там ни было, очевидно одно: адвокатское участие П. Н. Малянтовича позитивно повлияло на решение Уголовной коллегии. Двое приговоренных к расстрелу юношей были спасены, а судьба третьего как минимум не усложнилась. Нет оснований утверждать, что адвокатское участие именно в этом деле стоило карьеры Малянтовичу и Луганскому, однако в 1929 г. Малянтович был «вычищен» из Московской коллегии за-

щитников, а Луганский не прошел «чистку» соваппарата.

Выводы

Проведенное микроисторическое исследование выявило ряд признаков оформления правовой системы в советской провинции на закате нэпа, однако она носила зыбкий и чрезвычайно зависимый от власти характер. В рамках конкретного кейса партийным органам накануне «великого перелома» был нужен громкий судебный процесс по делу юных «насильников и убийц» для нагнетания очередного витка дисциплинирования нравов молодого поколения, тем более показательный суд над представителями классово «чуждой» молодежи. Несмотря на слабую организацию судебного процесса и полную зависимость следствия и суда от партийных органов, судебная власть в высших инстанциях еще всеяла веру молодежи в законность и справедливость. Конкретный случай показал довольно высокий авторитет Кассационной коллегии ВС РСФСР и адвокатуры, которая оказалась беззащитной перед репрессиями партийно-государственных и судебных властей по отношению к ней самой. В целом данный казус создает несколько иное представление о советской правовой системе, противоречащее устоявшемуся мнению о тотальном бесправии осужденных в раннем советском обществе. Вместе с тем без серийных исследований сложно заключить, был ли вышеописанный казус «нормальным исключением» в то время.

У партийных и чекистских руководителей Краснодара была полная уверенность в том, что Верховный Суд РСФСР приговор «пролетарского суда» не отменит. После активного студенческого протеста, а затем и отмены расстрельного приговора власти не могли просто так смириться с явным фиаско в глазах молодежи. Когда осужденные трое юношей праздновали в тюремной камере отмену расстрела, партийные и чекистские руководители Кубанского округа конструировали новое громкое дело по более «основательной» 58-й статье. Но это уже несколько другая, не менее захватывающая история...

Использованная литература:

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Краснодарскому краю. Архивно-следственное дело П-71049.
2. А. Т. Халатность или нераспорядительность? (Из залы суда) // Красное знамя. 1928. 22 марта.
3. Борисов К. Семьдесят пять дней в СССР: Впечатления русского эмигранта, посетившего Россию в 1923 году. Берлин: б. и., 1924.
4. Верховный трибунал при ВЦИК: 1918–1922 гг. – Верховный Суд РСФСР: 1923–1990 гг. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <http://vsrf.ru/files/26316/> (дата обращения: 03.02.2019).
5. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история: сб. ст. М.: Новое издательство, 2004. С. 287-320.
6. Гинзбург К. Приметы: уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история: сб. ст. М.: Новое издательство, 2004. С. 189-241.
7. Дело № 25999 // Судебная практика РСФСР. 1928. № 9. С. 11.
8. Краснодарские чубаровцы // Красное знамя (Краснодар). 1928. 1 февраля.
9. Краснодарские чубаровцы // Молот (Ростов-на-Дону). 1928. 22 марта.
10. «Мамраковщина» (Дело кубанских чубаровцев) // Красное знамя. 1928. 22 марта.
11. Матвеев О. В. Из опыта становления правовых отношений на Кубани: корпорация присяжных поверенных [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2017. № 4. С. 28-37. URL: http://heritage-magazine.com/wpcontent/uploads/2017/12/2017_4_Matveev.pdf (дата обращения 19.01.2019).
12. Медик Х. Микроистория // THESIS: альманах. М., 1994. Вып. 4. С. 193-202.
13. Мимоходов М. «Мамраковщина» (Дело кубанских чубаровцев) // Красное знамя. 1928. 24 марта.
14. Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). М.: Кучково поле, 2006.
15. Нагель Э. Э. Записки бывшего советского адвоката // Последние новости (Париж). 1933. 15 марта.
16. Отдел спецфондов Информационного центра Главного управления внутренних дел Краснодарского края. Ф. 24. Д. 2477-СО.
17. Павел Николаевич Мальянтович: биография [Электронный ресурс] // people.su. URL: <http://www.people.su/70105> (дата обращения: 22.01.2019).
18. Палибин Н. В. Записки советского адвоката. 20-30-е годы. Paris: YMCA-PRESS, 1988.
19. Ратушняк Т. В., Филимонов С. Б. Рождение ОЛИКО // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1998. № 1. С. 3-18.
20. Рожков А. Ю. Кубанская молодежь и ОГПУ: «Дело Синдаровского» (Опыт микроисторического исследования) // Другие времена: межвуз. сб. / под ред. А. А. Зайцева, А. Ю. Рожкова. Краснодар: Знание России, 2004. С. 188-213.

References:

1. Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Краснодар Region [AUFSSBKK], File P-71049.
2. A. T., Halatnost' ili nerasporyaditel'nost'? (Iz zaly suda) [Negligence or Dishonesty? (From the Courtroom)], *Krasnoye Znamya*, March 22, 1928.
3. Borisov, K., *Sem'desyat pyat' dney v SSSR: Vpechatleniya russkogo ehmigranta, posetivshogo Rossiyu v 1923 godu* [Seventy-Five Days in the USSR: Impressions of a Russian Emigrant Who Visited Russia in 1923], Berlin: no publ., 1924.
4. Verkhovnyy tribunal pri VCIK: 1918–1922 – Verkhovnyy Sud RSFSR: 1923–1990 [The Higher Tribunal VCIK: 1918-1922 – The Supreme Court RSFSR: 1923–1990], in *The Supreme Court of the Russian Federation*. <http://vsrf.ru/files/26316/>. Accessed February 3, 2019.
5. Ginzburg, K., Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nej znayu [Microhistory: Two or Three Things I Know about It], in *Mify-ehmblemy-primety: Morfologiya i istoriya*, Moscow: Novoe izdatelstvo, 2004, pp. 287-320.
6. Ginzburg, K., Primety: ulikovaya paradigma i ee korni [Features: the Evidence Paradigm and Its Roots], in *Mify-ehmblemy-primety: Morfologiya i istoriya*, Moscow: Novoe izdatelstvo, 2004, pp. 189-241.
7. Delo № 25999 [Case no. 25999], *Sudebnaya praktika RSFSR*, 1928, no. 9. p. 11.
8. Krasnodarskie chubarovcy [The Краснодар Chubarovcy], *Krasnoye znamya*, February 1, 1928.
9. Krasnodarskie chubarovcy [The Краснодар Chubarovcy], *Molot*, March 22, 1928.
10. "Mamrakovshchina" (Delo kubanskih chubarovcev) ["Mamrakovshchina": the Краснодар Chubarovtsy Case], *Krasnoye znamya*, March 22, 1928.
11. Matveev, O. V., Iz opyta stanovleniya pravovyh otnoshenij na Kubani: korporaciya prisyazhnykh poverennykh [From the Experience of the Formation of Legal Relations in Kuban: a Corporation of Sworn Attorneys], *Nasledie vekov*, no. 4, pp. 28-37. http://heritage-magazine.com/wpcontent/uploads/2017/12/2017_4_Matveev.pdf. Accessed February 3, 2019.
12. Medic, H., Mikroistoriya [Microhistory], *THESIS: Almanac*, 1994, no. 4, pp. 193-202.
13. Mimoskhodov, M., „Mamrakovshchina” (Delo kubanskih chubarovcev) [„Mamrakovshchina”, the Краснодар Chubarovtsy Case], *Krasnoye znamya*, March 24, 1928.
14. Mozokhin O. B. *Pravo na repressii: Vnesudebnye polnomochiya organov gosudarstvennoy bezopasnosti (1918-1953)* [The Right to Repression: The Extrajudicial Powers of State Security Bodies (1918-1953)], Moscow : Kuchkovo pole, 2006.
15. Nagel', E. E., Zapiski byvshego sovetского advokata [Notes of the Former Soviet Lawyer], *Poslednie novosti*, March 15, 1933.
16. *Special Funds Department of the Information Center of the Central Internal Affairs Department of Краснодар Region [OSFIC GUV D KK]*, Fund 24, Inventory 1, File 2477-SO.
17. Pavel Nikolaevich Malyantovich: biografiya [Pavel Malyantovich: a Biography], in *people.su*. <http://www.people.su/70105>. Accessed January 20, 2019.

21. Рожков А. Ю. «Я сам знаю, что не жил»: исповедь арестанта кубанского ОГПУ // Кубанский сборник: сб. науч. ст. и материалов по истории края / под ред. А. М. Авраменко, Г. В. Кокунько. Краснодар, 2008. Т. 3 (24). С. 369-409 и др.
22. Рожков А. Ю. Студенческий протест в Краснодаре в 1928 г.: эмоциональные нормы власти и молодежи // Человек. Сообщество. Управление: научно-информационный журнал. 2016. Т. 17. № 3. С. 103-122.
23. Тагер А.С. Кассационное обжалование судебных приговоров: комментарий к ст. 344-350, 409-426, 400-408, 434-439 УПК. М.: Право и жизнь, 1924.
24. Толин Ан. «Мамраковщина» (Дело кубанских чубаровцев) // Красное знамя. 1928. 22 марта.
25. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С новейшими дополнениями и приложениями директивных и инструктивных писем Верховного Суда РСФСР за 1925-1926 гг. С алфавитно-предметным указателем. Л.-М.: Рабочий суд, 1926.
26. Чалидзе В. Уголовная Россия. М.: Терра, 1990.
18. Palibin, N.V., *Zapiski sovetskogo advokata. 20-30-e gody* [Notes of a Soviet Lawyer (20-30s)], Paris: YMCA-PRESS, 1988.
19. Ratushnyak, T. V. and Filimonov, S. B., *Rozhdenie OLIKO* [The Birth of OLIKO], *Golos minuvshogo. Kubanskiy istoricheskiy zhurnal*, 1998, no. 1, pp. 3-18.
20. Rozhkov, A.Yu., *Kubanskaya molodezh' i OGPU: "Delo Sindarovskogo"* (Opyt mikroistoricheskogo issledovaniya) [The Kuban Youth and OGPU: "The Sindarovskis' Case" (the Experience of Micro-Historical Studies)], in *Drugie vremena*, Zaitsev, A. A. and Rozhkov, A. Yu., Eds., Krasnodar: Znanie Rossii, 2004, pp. 188-213.
21. Rozhkov, A. Yu., "Ya sam znayu, chto ne zhil": ispoved' arestanta kubanskogo OGPU ("I Know Myself I Did not Live": the Confession of the Prisoner of the Kuban OGPU), *Kubanskiy sbornik: Sel. Sci. Papers and Materials on the History of the Region*, vol. 3 (24), Avramenko, A. M. and Kosenko, G. V., Eds., Krasnodar, 2008, pp. 369-409.
22. Rozhkov, A. Yu., *Studencheskiy protest v Krasnodare v 1928 godu: emotsional'nye normy vlasti i molodezhi* [Student protest in Krasnodar in 1928: emotional norms of power and youth], *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie: nauchno-informacionnyy zhurnal*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 103-122.
23. Tager, A. S., *Kassatsionnoe obzhalovanie sudebnykh prigovorov: kommentarij k statyam 344-350, 409-426, 400-408, 434-439 UPK* [Cassation Appeal of Court Sentences: Comment to Articles 344-350, 409-426, 400-408, 434-439 of the Criminal Procedure Code], Moscow: Pravo i zhizn', 1924.
24. Tolin, An., "Mamrakovshchina" (Delo kubanskih chubarovcev) ["Mamrakovshchina" (The Krasnodar Chubarovtsy Case)], *Krasnoe znamya*, March 22, 1928.
25. *Ugolovno-processual'nyy kodeks RSFSR. S noveyshimi dopolneniyami i prilozheniyami direktivnykh i instruktivnykh pisem Verhovnogo Suda RSFSR za 1925-1926 gody. S alfavitno-predmetnym ukazatelem* [The Criminal Procedure Code of the RSFSR. With the Latest Additions and Appendices of Directive and Instructive Letters of the Supreme Court of the RSFSR from 1925-1926 (with the Alphabetical Index)], Leningrad-Moscow: Rabochiy sud, 1926.
26. Chalidze, V., *Ugolovnaya Rossiya* [Criminal Russia], Moscow: Terra, 1990.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рожков, А. Ю. Феномен суда и кассации в Советской России на закате нэпа: микроисторический анализ случая [Электронный ресурс] / А. Ю. Рожков // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 54-66. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Rozhkov.pdf. (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

Rozhkov, A. Yu., *Fenomen suda i kassatsii v Sovetskoj Rossii na zakate nehpa: mikroistoricheskiy analiz sluchaya* [The Court and Cassation Phenomenon in a Soviet Russia in the Twilight of NEP: Microhistorical Analysis of the Case], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 54-66. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Rozhkov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.